Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии, заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Образ Царя в сознании русского человека

В статье представлены пространственная специфика сознания русского человека, сакрально-византийские истоки, последовательная персонология и эсхатология русского царства

Ключевые слова: Логос – царь – пространство – время – катастрофизм – символы царства

Прежде образа царя – обратимся к сознанию русского человека: оно раскрыто – в мировую ширь, где царит жертвенный Логос; наличие или отсутствие Царя в русской голове выражает софийную динамику соотношений *Логоса и мировой субстанции*. Кто не видит в мире Логоса – отринет и Царя: «Священная русская монархия, - отмечал Н. А. Бердяев, - пала потому, что она потеряла религиозно-мистическую точку опоры в Церкви, она почувствовала слишком большую зависимость Церкви от себя, в то время, как сама нуждалась в духовной опоре. Русская Империя стала формой гуманистического самоутверждения, в ней начала господствовать власть от человека, а не от Бога» [1, с. 839].

Итак, остановимся прежде на сознании (самоосознании и самопознании!) русского человека в контексте макрокультурной динамики России: «…тоска по познанию России, - отмечал Ю. В. Мамлеев, - явно присутствует в русской культуре. Россия всегда имеет возможность вобрать в себя все немыслимые духовные горизонты будущих веков, и, следовательно, сохраняет возможность великого исторического бытия в будущем».

Об этом столетие назад говорил Освальд Шпенглер: «Необходимо понимать всемирно-историческое значение России, её место между великими старыми культурами: Европой, Китаем, Индией и Исламом, её сложившуюся в течение тысячелетий душу…».

Есть интересные замечания у А. С. Хомякова, связанные с его указаниями на историческую замедленность освоения земли и чисто российским доминированием пространственного фактора: «Окружность земного шара равняется шестистам конным дням пути – невелика обитель, данная человеку Провидением, а знание земли – ещё в детстве …»; «Образованный русский нашего времени живёт более в категории пространства, чем в категории времени».

В трудностях освоения земли, в самой позитивной человеческой недоразвитости есть особая исходная вдумчивость в упругое существо вещей: «Я променял бы всё благополучие Запада на русский лад печалиться…», - говорил Ницше.

Обилие элегических и эсхатологических мотивов в поэтическом россиеведении указывает на устойчивость здесь тематики ухода и перехода, требующих особого посвящения в космическую тайну трансформаций. Об этом ярко свидетельствуют самые разные мыслители и поэты, для которых характерны образы последнего дома и его апокалиптического крушения…

Вместе с тем Россия на уровне исторически проживаемых ею смыслов полноценно

включена в масштабы культурно-цивилизационной динамики человечества [2; 3]. Финалистическое место России в этом глобальном свершении подобно метафизической коде, стягивающей все исторические времена и собирающей все культурные монады в единую предваряющую последний бросок картину.

Последние столетия западной культуры уже наполнены этими тревожными ожиданиями заката логоцентризма и приближения небывалого в истории человечества конца, о чём свидетельствуют весьма различные авторы: «Появится такая Вещь, что если кто захочет покрыть её, будет покрыт ею…» (Леонардо да Винчи, XV – XVI вв.); «Следует быть готовыми к громадному событию в божественном порядке мироздания, к которому мы движемся с возрастающим ускорением и которое должно ошеломить всех наблюдателей. Грозные пророчества уже возвещают, что час наступает…» (Жозеф де Местр, XVIII в.); «Приближается время, когда люди перестанут радовать Бога – и Он уничтожит их во имя нового творения…» (Иоганн Вольфганг Гёте, XIX в.).

Используя известную формулу из наследия русских религиозных философов, мы можем сказать, что всё тысячелетие исторического бытия российского мира было «борьбою за Логос», поскольку в более обширном двухтысячелетнем масштабе сама мистерия культурного воплощения Логоса может быть последовательно раскрыта как диалектическая триада: тезис (византизм) – антитезис (западничество) – синтез (чаемое эсхатологическое будущее России).

Крупномасштабная динамика «большого времени», отражённая, например, в «исторической поэтике», обрекает человечество отнюдь не на гармонию, но на глубокую конфликтологичность, природа которой, на наш взгляд, заключается в потере самой идеи Царя (и небесного, и земного). Это обстоятельство обрекает нас на абсурд и отчаяние…

Георгий Иванов написал трагические строки о крушении русского царства:

Хорошо, то нет Царя,
хорошо, что нет России,
хорошо, что Бога нет –
только жёлтая заря,
только звёзды голубые,
только миллионы лет…

И он же восклицал:

Я за войну, за интервенцию,
я за Царя, хоть мертвеца…
российскую интеллигенцию
я презираю до конца!

Почему он её презирает? – не потому ли, что несколько поколений отечественной западнической интеллигенции основательно потрудились над тем, чтобы окончательно добить русское царство, всё более сущностно отдаляющееся и от понимания самих земных царей…

Сказанное позволяет нам перейти к трагической логике проживания идеи Царя и её утрате в ходе отечественной истории Нового времени.

Заметим, что перспективы российского царства оценивались весьма различно ярчайшими современниками на его исходе; например, Ницше так писал о России и Европе: «Чтобы существовали учреждения, должна существовать известная воля, инстинкт, императив, антилиберальный до злобы: воля к традиции, к авторитету, к ответственности на столетия вперёд, к солидарности цепи поколений вперёд и назад in infinitum. Если эта воля налицо, тогда основывается нечто подобное imperium Romanum: или подобное России, единственной державе, которая нынче является прочной, которая может ждать, которая ещё может нечто обещать, – России как противопонятию жалкому европейскому партикуляризму и нервозности, вступившим в критический период…».

«Русский Ницше» К. Н. Леонтьев говорил так об удерживающей монархии: «Для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т. е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское движение) необходима сильная царская власть. Для того же, чтобы эта царская власть была долго сильна, не только нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но – напротив того – необходимо, чтобы между этими толпами и

престолом Царским возвышались прочные сословные ступени; необходимы боковые опоры для здания долговечного монархизма…».

Интересно, однако, что О. Шпенглер – уже свидетель крушения российской монархии – видит неразрешимую проблему в самой логике её новоевропейского построения: «Изначальный московский царизм – это единственная форма, которая впору русскости ещё и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы. Тяга к святому югу, к Византии и Иерусалиму, глубоко заложенная в каждой православной душе, обратилась светской дипломатией, с лицом, повёрнутым на Запад».

Впрочем, это очень хорошо понимал и К. Н. Леонтьев: «Петербургская Россия продолжает с успехом уничтожать везде, где может, исподволь и даже бессознательно, остатки своеобразной Московской России, подкапываясь тихонько подо всё, что составляет тысячелетние основы нашего бытия. Петербургская Россия, эта мещанская *современная* Европа, сама трещит везде по швам, и внимательно разумеющее ухо слышит этот многозначительный треск ежеминутно и понимает его ужасное значение!..»

Завершение «петербургского периода», «красный террор» и пародийная реставрация «кремлёвского султана» (так называл Сталина отец Сергий Булгаков) подводит отечественную мысль в изгнании к однозначному выводу: «Беспочвенная мечта строить Россию без Царя во главе», - так лапидарно это сформулировал И. А. Ильин.

Эта мысль имеет не только социально-исторические, но и глубочайшие метафизические основания: «Идея некоего лица, одновременно являющегося священником и царём, не была очень распространена на Западе, хотя она разительным образом явлена у самых истоков христианства, будучи воплощена ”царями-волхвами“», - указывал Рене Генон; современный учёный и поэт В. Б. Мукушевич также отмечает христологические основания сакрального цесаризма:

Лишь потому они служащие звездам,
Что при небесном тайном знаке
Наперекор земным неправедным судам
Звездой учахуся во мраке.
Для них, для нас урок звезды, незримой встарь:
Пещера – храм, а не гробница,
Где новорожденный – Небесный в яслях Царь
И с Ним Небесная Царица,
В неведомом пути скрываясь от молвы,
Взыскующей напрасно чуда,
В пещеру странники вошли или волхвы,
А вышли в мир цари оттуда…

Эта идея глубоко прочувствована и на вершинах русской поэзии XIX века. Например, у Пушкина:

Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

Или ярче – у Тютчева:

Истомлённый ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя…

Русское религиозно-философское мышление, укоренённое в символических глубинах не только «византизма», но и в лоне фольклорных традиций, расширяет идею Царя: у нас (в древнем московском кремле!) есть – Царь-колокол; там же – Царь-пушка; есть у нас – Царь-рыба; есть и – Царь-птица; и есть – Царь-девица… Есть – Царь-град, откуда – в соборе Святой Софии Константинопольской – очарованные её духовным небом послы великого князя Владимира Красно Солнышко привезли домой восторжествовавшую в отечественной истории идею Православия (идею, разумеется, не в новоевропейском – релятивно-субъективном – но в платоновском, эйдологическом смысле как идеациональной «обратной перспективы», которая была практически утрачена в послекантовских «мировоззрениях» Нового времени). «Зачем же нам Царьград, когда нет Царя, - вопрошал после революции отец Сергий Булгаков, - ведь для Царя приличествовал Царьград, он был тот первосвященник. Который мог войти в этот алтарь, он и только он один. И мысль о том, что в Царьград может войти Временное Пра-

вительство с Керенским, Милюковым, была для меня так отвратительна, так смертельна, что я чувствовал в сердце холодную, мертвящую пустоту».

Первый и последний из династии Рюриковичей титулованный русский царь, Иоанн Васильевич Грозный, исторически замыкает «русский византизм» – сколько бы ни утверждали западники во-след по-своему изумительной историософии А. Дж. Тойнби его продолжение в редакциях «петровства» и «большевизма». Младший сын Ивана Грозного – святой Димитрий Царевич – при недостаточно прояснённых обстоятельствах завершил свой земной путь в Угличе – здесь кончается «русский византизм»…

Царь Борис Годунов, при котором появляются патриаршество на Руси и первые отечественные газеты, немало сделал для сохранения русского мира в пору междуцарствия двух правящих династий, но был переходной фигурой, оказавшейся во власти роковых обстоятельств и, по мысли А. С. Хомякова, бесстыдной клеветы…

Новая династия постепенно включила процесс тотальной европеизации России, начиная с Алексея Михайловича Романова, при котором произошёл церковный раскол – главное, по словам Н. А. Бердяева, событие русской истории: «Необходимая наша беда, - восклицал протопоп Аввакум Петров, - невозможно миновать: выпросил у Бога светлую Россию сатона, даже очервленит ю кровию мученическою; добро ты, диавол, вздумал, и нам то любо: Христа ради, нашего свету, пострадать – воля Божия так лежит!»

С Петра Первого, по словам Пушкина, «вздёрнувшего Россию на дыбы» (по сути – на пыточную дыбу!), начинается крупномасштабное вхождение российского мира в западный гипертренд мировой истории, с вводом нового летоисчисления, с переходом от 7208 года от Сотворения мира к 1700 году (почему-то названному молодым императором, прошедшим обучение в Европе, «началом нового века», над чем иронизировал В. О. Ключевский) меняется сам календарный сюжет и Россия переходит с Пасхального миропонимания, выводящего ум за пределы космического времени, к мировосприятию христорождественскому, погружающему сознание в недра неопределённо длящейся человеческой истории – Россия всё более отворачивается к ней от Праздника Божественной Вечности: открывается, по словам Шпенглера, «спектакль, бесцельный и возвышенный, как кружение звёзд, вращение Земли, чередование суши и морей, льдов и девственных лесов на суше. Можно им восхищаться или, напротив, оплакивать – однако он разыгрывается перед нами... Время одерживает победу над пространством, и время есть то, чей неумолимый ход утверждает в случайности человека на этой планете мимолетную случайность культуры, форму, в которой какое-то время протекает случайность жизни, между тем как на заднем плане в светомире нашего зрения раскрываются текучие горизонты истории Земли и истории звёзд…»

С Анны Иоанновны начинается галерея императриц XVIII столетия, формирующих Россию подчёркнуто по западным лекалам… Эти императрицы прививают российскому обществу исключительно западные вкусы, пристрастия и стили вплоть до высокого барокко, выражающего, согласно Шпенглеру, черты духовной перезрелости совершенно чуждого русской душе культурного мира; при этом интересно, что обожествляемая первым русским химиком и астрономом М. В. Ломоносовым императрица Елизавета Петровна не могла поверить в то, что Англия находится на острове… А при царице Екатерине Второй, возносимой молодым Г. Р. Державиным до небесной богини, которая «ходит по земле пешком», произошло с отменой «Юрьева дня» окончательное закрепощение крестьянства – по сути же полное его обращение в рабство на целое столетие…

Но уже император Павел Первый, бывший великим магистром Мальтийского ордена вольных каменщиков и поместивший масонский крест на российский герб, ослабил давление на крестьянство и репрессированных деятелей культуры екатерининской эпохи (Н. И. Новикова, А. И. Радищева); интересно, что сам Емельян Пугачёв, выдававший себя за Петра III, не расставался с портретом будущего императора и обещал передать власть именно ему в случае победы в крестьянской войне; позднее неоднократно ставился вопрос о церковной канонизации этого странного, дружившего с молодым Наполеоном, убиенного царя…

Александр Первый, получивший царскую власть после этого убийства, а после победы над Наполеоном ставшего чуть ли не королём объединённой Европы, в итоге, согласно известной легенде, окажется старцем Фёдором Кузьмичом – Пушкин же после ранней эйфории: «Он взял Париж – так выпьем за Царя!» – в итоге об этом царе скажет уничтожающие слова:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно согретый славой…

Николай Первый, которому Пушкин пытался пропеть «хвалу свободную», в сороковые годы запретил преподавание философии в университетах России, закончил же провалом Крымской войны и принятием «щепотки мышьяка» («Кто же мог предвидеть, - восклицал Герцен, - что первой жертвой Крымской войны падёт Николай I»; в журнале «Колокол» он сообщал, что царь отравился с помощью Мандта – личного доктора, а бальзаматор проф. Грубер обнаружил в теле императора яд); глубочайший консерватор, дипломат и камергер Ф. И. Тютчев с горечью писал о нём:

Не Богу ты служил и не России –
Служил лишь суете своей…
И было всё в тебе – лишь призраки пустые;
Ты был не царь – а лицедей…

Воспитанный В. А. Жуковским царь-освободитель крестьян Александр Второй берёт умеренный курс на цивилизованный Запад: при нём продаётся Аляска, вырученные деньги всецело идут на строительство и оборудование железных дорог, стремительно приблизивших роковой исход русского царизма и последнего православного царства…

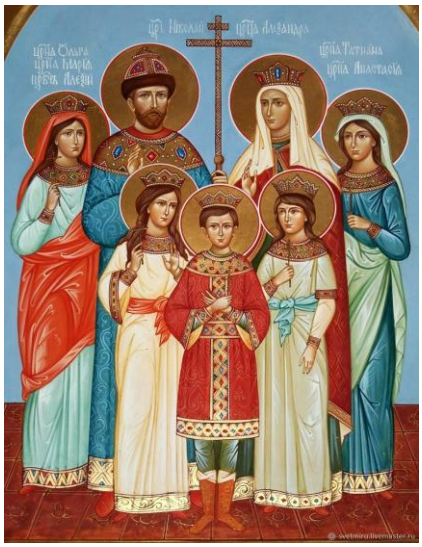
Император Александр Третий – называвший двух друзей России: армию и флот – тщетно пытается приостановить и «подморозить» процесс втягивания страны в орбиту европейских геомагнитных бурь, перевернувших ход мировой истории… К восшествию на престол этого императора Афанасий Фет написал замечательные стихи «15 мая 1883 года», вошедшие во второй выпуск его «Вечерних огней»:

Как солнце вешнее сияя,
В лучах недаром ты взошёл
Во дни живительного мая
На прародительский престол.
Горит алмаз, блестят короны,
И вкруг соборов и дворца,
Как юных листьев миллионы,
Обращены к тебе сердца.
О, будь благословен сторицей
Над миром, Русью и Москвой,
И богоданной багряницей
От искушений нас укрой!

Николай Второй сознательно продолжает политику своего великого отца – однако, в дальнейшем выступая с инициативой создания Гаагского мирного трибунала, поскольку «сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления», получает от своих западных партнёров Первую мировую войну, окончившуюся поражением России и крушением российского царства…

Цесаревич Алексей говорил: «Когда я стану царём, не будет бедных и несчастных» – ведал ли он, что его упования обращены к царствию небесному? Марина Цветаева так писала о сыне Людовика XVI, замученного в революционной Франции конца XVIII века вместе со своею сестрой:

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам — вино, тебе — пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!
Не сгнивший плод — цветок неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!
Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.
Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.
Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют...
И ты простер слабеющие руки
Туда наверх, где странникам — приют.
На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льём,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься — королём.



Икона святых царственных мучеников

Глядя на православную икону святых царственных мучеников, где предстоит Царская семья, мы вспоминаем и их последние земные дни: «…поражало, - писал отец Сергий Булгаков, - что во всём этом море лжи, клеветы и ругани, он выходил прекрасным и чистым. Ни единого неверного, неблагородного, нецарственного жеста, такое достоинство, такая покорность и смирение. Подходила Пасха. Мысль о них: что с ними, как? Появилось сведение, что они говели, причащались, что к ним допущен священник. Рассказывалось, что Государь работает в саду, и как оскорбляют его хамократы»; «…теократия *не удалась* в русской истории, - заключал Булгаков, - и из неё уходит сама, обмирщившись, подменившись и оставляя своё место… интеллигентщине; самоубийство самодержавия, в котором политические искажения в своевольном деспотизме соединились с мистическими аберрациями в Распутине и даже семейным психозом в царице, *не* имели виновника в Николае II, ни в его семье, которые по своим личным качествам были совершенно не тем, чем их сделал их престол. Это самоубийство было предопределено до его рождения и вступления на престол, – здесь античная трагедия без личной вины, но с трагической судьбой…»

Моя бабушка по материнской линии – Валентина Николаевна Калмыкова (в замужестве – Автореева) – родилась в Санкт-Петербурге в 1908 году в состоятельной семье, жила в центре города близ Московской площади, в двухэтажном доме, где была своя церковь и священник; маленькой девочкой много раз видела царскую семью, дочерей, наследника и приветствовалась с ними – она прожила очень долгую жизнь, и я держал в своих руках эти руки, приветствовавшие живого царя и его семью.

В.Н. Калмыкова в детстве

Но шестнадцатилетний Миша Лермонтов написал ещё в 1830 г. своё гениальное «Предсказание»:

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт –
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пищей многих будет смерть и кровь,
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон…

Пусть останется это трагическое многоточие, которое красноречивее всех формально-логических завершений позволяет каждому *призадуматься* над возможностью итоговых выводов – у разных людей и партий они могут быть свои.

Библиографический список:

1. *Бердяев Н. А.* Падение священного русского царства: Публицистика 1914 – 1922. М.: «Астрель», 2007.
2. *Океанский Вяч. П.* Сакральный космос россиеведения: Учебное пособие спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново: ЧОУ ВО «Институт управления», Ивановский филиал, 2016.
3. *Океанский Вяч. П.* Русская словесная культура в контексте цивилизационной макроистории: Учебное пособие россиеведческого спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново: ЧОУ ВО «Институт управления», Ивановский филиал, 2017.

©Океанский В.П., 2019